

Л.Э. СЕМЕНОВА¹, Н.Л. РОСИНА², Н.В. ЛОГИНОВА¹

¹ Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Российская Федерация

² Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СЕБЯ КАК РОДИТЕЛЯ МУЖЧИН-ОТЧИМОВ И МУЖЧИН – БИОЛОГИЧЕСКИХ ОТЦОВ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье обсуждается проблема современного отцовства в контексте изучения личного опыта родительства мужчин-отчимов и мужчин – биологических отцов, воспитывающих детей младшего школьного возраста. Представлены результаты эмпирического исследования специфики родительского отношения отчимов и их самовосприятия в роли отца с учетом преобладающего стиля родительского отношения к ребенку супруги в сравнении с аналогичными параметрами личного опыта родительства родных отцов. На основании полученных данных делается вывод о наличии качественных отличий в родительском отношении отчимов и биологических отцов, которые заключаются в преобладании у первых из них в основном неблагоприятных для развития младшего школьника стилей родительского отношения и, напротив, в преобладании у вторых благоприятных для развития ребенка младшего школьного возраста стилей родительского отношения. Также констатирован факт высокой степени совпадения в системе самовосприятия испытуемых образов «Я» и «хороший отец» при преобладании у мужчин благоприятных для развития ребенка стилей родительского отношения, что, прежде всего, наблюдается у биологических отцов, и расхождения этих образов при преобладании неблагоприятных для развития ребенка стилей родительского отношения, что чаще встречается у отчимов.

Ключевые слова: мужчины, отцовство, личный опыт родительства, отчимы, биологические отцы, стили родительского отношения, самовосприятие в роли отца.

L.E. SEMENOVA¹, N.L. ROSINA², N.V. LOGINOVA¹

¹ Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

ESPECIALLY THE PERCEPTION OF YOURSELF AS A PARENT MEN-STEPFATHERS AND MEN – BIOLOGICAL FATHERS WITH DIFFERENT STYLES PARENTAL RELATIONSHIP

Abstract. The article discusses the problem of modern fatherhood in the context of studying the personal experience of parenthood men – stepfathers and men biological fathers raising children of primary school age. The author presents the results of empirical studies of the specificity of a parental relationship stepfathers and their self-perception in the role of the father in view of the prevailing style of a parental relationship to the child of the spouse in comparison with similar

parameters of personal experience in the family parenting fathers. Based on these data, the conclusion about the presence of qualitative differences in parental relation to stepfathers and biological fathers who are the predominance of the first ones are mostly unfavorable for the development of primary school children of parental attitude and, conversely, the predominance of the second is favorable for the development of the child of younger school age of parental attitude. Also noted for the fact of a high degree of coincidence in the system of self-perception of the subjects of the images "I" and "good father" with the prevalence in men is favorable for child development of parental attitude that, first of all, there is the biological fathers, and the differences of these images with the prevalence of adverse child development of parental attitude that is more common in stepfathers.

Keywords: men, fatherhood, personal experience of parenting, stepfathers, biological fathers, parental attitude, self-perception in the role of the father.

Введение в проблему

Сегодня, в условиях существенных культурных трансформаций, утраты многих прежних ценностей, включая ценности родительства, и кризиса традиционной семьи институты отцовства и материнства претерпевают серьезные изменения [1; 4; 12; 13; 16; 18; 19; 20 и др.]. Поэтому проблемы семьи, отцовства и материнства по-прежнему остаются наиболее значимыми для современного российского общества.

Как известно, рождение ребенка – важное событие не только в жизни матери, но и отца. Однако, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что буквально до последнего времени проблема отцовства была крайне мало представлена в исследованиях отечественных психологов, в связи с чем до сих пор она является для нашей страны относительно новой и крайне актуальной [4; 13]. Особенно это касается феномена неродного отцовства, т.е. отчимов, научный интерес к которым даже в последние годы представлен буквально единичными работами как в отечественной, так и в зарубежной психологии и смежных с ней отраслях гуманитарного знания [2; 5; 6; 14; 17; 21].

Во многом такое положение дел обусловлено тем, что в системе традиционных гендерных отношений мужчинам, как правило, отводится второстепенная роль в воспитании детей, поскольку каждодневная забота о ребенке, эмоциональное взаимодействие и участие в обеспечении его психологических потребностей считаются немужским делом [8 и др.].

И все же за последнее время в мире произошли серьезные изменения многих традиционных норм и устоев, коснувшиеся в том числе и мужчин [9], среди которых появились такие, кто начинает видеть свое предназначение уже не только в профессиональной, но и в семейной самореализации и, в частности, в сфере родительства – активном выполнении своих отцовских функций [1; 7; 11 и др.]. При этом в научных кругах отцовство стало рассматриваться не только как социальная функция воспитания и развития детей, но и как важная составляющая становления и проявления мужской идентичности [3; 4; 7; 9; 13 и др.].

В сложившихся условиях весьма важным является проведение дальнейших исследований, касающихся различных аспектов родительской роли современных мужчин и ее возможных трансформаций, включая изучение отцовства и как социокультурного института, имеющего свою динамику, и как личного опыта мужчин, причем не только

родных отцов, но и отчимов, чье участие в воспитании приемных детей в условиях постоянного роста повторных браков принимает поистине массовый характер.

Заметим, что, по имеющимся на сегодняшний день данным, применительно к нашей стране справедливо говорить о нескольких типах отцов, каждый из которых отличается разной степенью ориентации на традиционную либо новую модель маскулинности. В частности, как показывают исследования Е.А. Чикаловой, ориентация на традиционную модель маскулинности сочетается с низкой степенью вовлеченности мужчины в процесс семейного воспитания, преобладанием опосредованных, эмоционально дистанцированных контактов отца и ребенка и преимущественно доминантно-зависимого стиля детско-родительского взаимодействия, тогда как ориентация на новую модель маскулинности сочетается с высокой степенью вовлеченности мужчины в процесс воспитания, психологической доступностью отца и его эмоционально близкими отношениями с ребенком [15].

В свою очередь И.С. Клецина выделяет четыре модели отцовства, для каждой из которых характерны определенные практики реализации мужчиной своих родительских функций [7], а именно:

1) традиционный отец, чья роль сводится к материальному обеспечению и защите семьи / детей, приучению детей к дисциплине и в случае необходимости – к их наказанию;

2) отсутствующий отец, который может присутствовать физически, но фактически не включен в повседневную жизнь детей и не имеет психологического или физического контакта с ними;

3) ответственный отец, активно включенный в процесс воспитания и заботы о детях, эмоционально близкий с ними, вовлеченный в непосредственный уход практически наравне с матерью;

4) новый отец, чье поведение ориентировано на принцип эгалитарности во всех аспектах родительской роли.

Таким образом, как свидетельствуют результаты ряда современных исследований, справедливо говорить о том, что отцы, как и мужчины в целом, не представляют собой однородную группу; разные отцы разделяют различные ценности, имеют разные приоритеты, ведут различный образ жизни и являются разными родителями. При этом, по оценкам специалистов, активная воспитательная позиция мужчины обычно сочетается с его эгалитарными гендерными представлениями, отходом от традиционных мужских норм и стандартов, а также служит показателем значимости для него семьи и принятия личной ответственности за развитие своего ребенка [7; 9; 15].

Что же касается непосредственно мужчин-отчимов и их личного родительского опыта, включая реальные практики взаимодействия с детьми и отношение к своей родительской роли, то в этом плане они, как правило, могут столкнуться со следующими проблемами [2; 5; 6 и др.]:

- попытка отчима заменить ребенку родного отца, что является однозначно неверной стратегией;

- выстраивание конструктивного стиля взаимодействия между отчимом и ребенком, что особенно затруднено в случае, если у ребенка очень сильный эмоциональный контакт с родным отцом;

- отсутствие у отчима планов по рождению ребенка, опыта переживания беременности жены, процесса родов и т.п., что приводит к скорее вынужденной необходимости налаживать отношения с ребенком только потому, что у мужчины существуют отношения с его матерью, а значит, наличие гораздо большей зависимости качества родительского отношения отчима от качества супружеских отношений, роль которых становится намного важнее, нежели в случае биологического отцовства;

- реальность столкновения различных ранее сложившихся паттернов поведения и вполне вероятная ломка ранее сформировавшихся традиций взаимоотношений как со стороны взрослого (отчима), так и со стороны ребенка и др.

В то же время имеются данные, свидетельствующие о том, что далеко не все отчимы принимают родительскую роль в отношении неродного ребенка, а также обнаруживают у себя потребность заботиться о нем и активно с ним общаться [5]. В частности, в отличие от биологических отцов у отчимов значительно чаще отмечаются раздражительность, вспыльчивость, суровость и излишняя строгость, а также дистанцированность в отношениях с неродными детьми. Иными словами, отчимы чувствуют себя родителями, ведут себя как таковые в значительно меньшей степени, чем это наблюдается у биологических отцов по отношению к родному ребенку [5]. К тому же, как показывают некоторые сравнительные исследования отчимов и родных отцов, первые из них гораздо чаще вторых занимают отстраненную родительскую позицию и практикуют менее эмоционально насыщенное отношение к ребенку [6]. Однако такие различия в родительской позиции отчимов и биологических отцов наблюдаются не всегда, что делает актуальным дальнейшее изучение разных аспектов личного опыта родительства родных и неродных отцов.

Наш взгляд, особый исследовательский интерес в этом плане представляет специфика самовосприятия отчимов в роли отца с учетом их родительского отношения (РО) к ребенку супруги в сравнении с аналогичными параметрами личного опыта родительства родных отцов, относительно которых научные сведения в отечественной психологии остаются пока единичными, что и послужило основанием для проведения нашего эмпирического исследования.

Цель, объект, предмет, гипотезы, методы и участники исследования

Итак, целью своего сравнительного исследования мы определили изучение особенностей восприятия себя как родителя мужчин-отчимов и мужчин – биологических отцов в связи с преобладающими стилями их родительского отношения. Объектом нашего исследования стало отцовство как личный опыт мужчин. Предметом исследования выступил характер соотношения стилей родительского отношения отчимов и биологических отцов и их самовосприятия в родительской роли.

В соответствии с целью и предметом исследования нами были сформулированы следующие гипотезы: 1. Родительское отношение мужчин-отчимов и мужчин – биологических отцов будет иметь некоторые качественные отличия. 2. Преобладающие стили родительского отношения как у мужчин-отчимов, так и у мужчин – биологических отцов могут быть связаны с характером соотношения их образа Я с образом хорошего родителя, а именно: у мужчин, демонстрирующих благоприятные для развития ребенка стили родительского отношения, отмечается большая степень сходства образа Я с образом

хорошего отца по сравнению с мужчинами, демонстрирующими неблагоприятные для развития ребенка стили родительского отношения.

Наше сравнительное исследование включало в себя два этапа. На первом из них осуществлялся сравнительный анализ специфики РО родных и неродных отцов. Второй этап был посвящен изучению особенностей взаимосвязи доминирующих стилей РО отчимов и биологических отцов и характера соотношения их образа Я с образом хорошего родителя.

В качестве испытуемых в исследовании принимали участие 50 мужчин в возрасте 30-45 лет, из них: 25 отчимов и 25 биологических отцов, воспитывающих детей младшего школьного возраста.

Для сбора эмпирических данных в работе использовались две методики: для диагностики стилей РО «Опросник родительского отношения» А.Я. Варга, В.В. Столина; для выявления особенностей самовосприятия как родителя (т.е. степени соответствия образа Я мужчин образу хорошего отца) методика «Психологические портреты» Т.В. Архиреевой [3]. При этом, опираясь на работы ряда авторов [10], с учетом используемой методики А.Я. Варга, В.В. Столина, к числу благоприятных для развития ребенка стилей РО применительно к младшему школьному возрасту мы отнесли эмоциональное принятие и кооперацию, тогда как в качестве неблагоприятных были определены эмоциональное отвержение, симбиоз, авторитарная гиперсоциализация и инфантилизация.

Результаты и их обсуждение

Обратимся к данным таблицы 1, где нашли свое отражение полученные нами результаты относительно преобладающих стилей РО испытуемых.

Таблица 1 – Специфика родительского отношения отчимов и биологических отцов

Преобладающий стиль РО		Биологические отцы		Отчимы	
		Кол.	%	Кол.	%
Благоприятные для развития ребенка	Принятие	6	24	2	8
	Кооперация	12	48	10	40
Итого		18	72	12	48
Неблагоприятные для развития ребенка	Отвержение	-	-	-	-
	Симбиоз	1	4	4	16
	Авторитарная гиперсоциализация	6	24	8	32
	Инфантилизация	-	-	1	4
Итого		7	28	13	52
φ критерий Фишера		1,75 (p≤0,05)			

Как можно видеть из представленной таблицы, ведущим стилем РО биологических отцов является кооперация, преобладание которой было обнаружено у 48% испытуемых этой группы. Вне всякого сомнения, такой ориентированный на сотрудничество стиль взаимодействия мужчин с детьми младшего школьного возраста можно считать наиболее подходящим как для их эффективного общения, так и для развития последних. Кроме того, еще 24% биологических отцов демонстрируют ярко выраженное эмоциональное принятие своего ребенка, т.е. уважают его индивидуальность, признают его интересы и увлечения и

стремятся к общению с ним, что также свидетельствует о наличии конструктивного стиля детско-отцовского взаимодействия в семьях этих испытуемых.

Однако в то же время у других 24% биологических отцов в качестве преобладающего стиля РО выявлен авторитаризм, т.е. склонность к строгому контролю за своим ребенком и требованиям безоговорочного послушания и дисциплины с его стороны, что, разумеется, никак нельзя считать эффективным способом взаимодействия отцов с детьми младшего школьного возраста.

Наконец, еще у одного испытуемого (4%) обнаружено стремление к симбиотическим отношениям со своим ребенком, т.е., по сути, стиранию психологических границ между отцом и ребенком и полной включенности в жизнь ребенка со всеми вытекающими из этого последствиями, вплоть до восприятия ребенка как маленького и беззащитного, которого необходимо постоянно ограждать от любых неприятностей и трудностей. Подчеркнем, что такой стиль РО является подходящим и вполне соответствующим для развития ребенка младенческого и раннего возраста, но никак не для младшего школьника, у которого симбиоз может порождать многие нежелательные проблемы, связанные с его чрезмерной зависимостью, несамостоятельностью и т.п.

Что же касается общей тенденции в плане доминирующих в группе мужчин – биологических отцов стилей РО, то соотношение числа испытуемых с благоприятными и неблагоприятными для развития ребенка стилями отношений позволяют нам заключить, что абсолютное большинство биологических отцов склонны придерживаться благоприятных для развития ребенка стилей РО. При этом показательно, что ни один родной отец не проявляет ярко выраженного эмоционального отвержения своего ребенка и не стремится его инфантилизировать, что мы рассматриваем как позитивный фактор семейного воспитания детей младшего школьного возраста.

Если же говорить о другой группе наших испытуемых, то, судя по данным исследования, на первый взгляд, у отчимов наблюдается частично схожая тенденция.

Так, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что преобладающим стилем РО у этих мужчин, как и в случае с биологическими отцами, является кооперация, которая оказалась характерна для 40% отчимов. Вместе с тем, еще у 8% испытуемых этой группы было обнаружено ярко выраженное эмоциональное принятие ребенка, хотя, как можно видеть из таблицы 1, по показателям этого стиля отчимы уже существенно отстают от биологических отцов.

Более того, второй по численности среди неродных отцов оказалась группа испытуемых, демонстрирующих свою склонность к авторитарной гиперсоциализации детей (32%), причем этот стиль отношений в целом встречается несколько чаще, нежели у биологических отцов.

Также на порядок больше по сравнению с родными отцами среди мужчин-отчимов оказалось и число приверженцев симбиотических отношений (16% человек) – факт, который может быть обусловлен, с одной стороны, не учитывающимися в нашем исследовании факторами пола и уровня развития ребенка, а с другой – реальными попытками отчимов сблизиться со своими приемными детьми посредством удовлетворения их потребностей и готовности в любой момент прийти им на помощь. Не исключено, что в последнем случае

такие мужчины просто стремятся соответствовать ожиданиям своих жен – матерей тех детей, с которыми они пытаются сблизиться.

Наконец, еще у одного отчима (4%) наблюдается преобладание РО по типу «маленький неудачник», т.е. склонность к инфантилизации неродного ребенка.

В то же время нельзя не отметить и тот факт, что в группе отчимов так же, как и у биологических отцов, полностью отсутствует эмоциональное отвержение ребенка, что может говорить в целом о позитивной тенденции в выстраивании детско-отцовских отношений наших испытуемых при повторном браке.

Таким образом, сопоставляя полученные результаты относительно специфики преобладающих стилей РО у отчимов и биологических отцов, можно сделать вывод о наличии у них как некоторого сходства, так и различий. При этом выявленное нами сходство заключается в преобладании кооперации и отсутствии эмоционального отвержения, тогда как среди различий следует, прежде всего, указать на более выраженную склонность неродных отцов к использованию неблагоприятных для развития ребенка младшего школьного возраста стилей РО, а именно: авторитарной гиперсоциализации, инфантилизации и симбиоза.

Для большей наглядности зафиксированных нами тенденций мы воспользовались критерием Фишера, который показал наличие статистически значимых различий в плане практикуемых родными и неродными отцами стилей РО ($\varphi=1,75$ при $p \leq 0,05$). Иными словами, нам удалось подтвердить факт наличия некоторых качественных отличий в РО отчимов и биологических отцов, которые, в частности, заключаются в преобладании у первых из них в основном неблагоприятных для развития ребенка младшего школьного возраста стилей РО и, напротив, ярко выраженном доминировании благоприятных для развития младших школьников стилей РО у вторых. Так, если биологические отцы используют преимущественно кооперацию и на порядок реже, чем все остальные стили, то отчимы примерно в равной степени прибегают и к кооперации, и к авторитарной гиперсоциализации, к тому же показатели эмоционального принятия у них на порядок ниже, чем показатели симбиоза. Поэтому, согласно полученным нами результатам, только около половины отчимов можно считать эффективными родителями, тогда как большинству из них необходима специальная психологическая помощь по оптимизации их РО.

Следующим шагом нашего эмпирического исследования стал сравнительный анализ особенностей взаимосвязи преобладающих стилей РО мужчин-отчимов и мужчин – биологических отцов и характера их самовосприятия в качестве родителя (соотношения образа Я с образом хорошего родителя).

Отметим, что степень сходства / различий вышеобозначенных образов мы выявляли по критерию ранговой корреляции Спирмена (R), в соответствии с которым при $R \geq 0,6$ имеет место высокая степень совпадения сопоставляемых образов, тогда как при $R \leq 0,3$ имеет место расхождение сопоставляемых образов [3].

Обратимся к данным таблицы 2, где представлены результаты сравнительного анализа относительно степени соответствия образа Я образу хорошего отца у мужчин-отчимов и мужчин – биологических отцов.

Таблица 2 – Характер соотношения образов «Я» и «хороший отец» у отчимов и биологических отцов

Испытуемые	Сходство образов «Я» и «хороший отец»		Расхождение образов «Я» и «хороший отец»	
	Кол.	%	Кол.	%
Биологические отцы	17	68	8	32
Отчимы	16	64	9	36
ф критерий Фишера	0,297			

Итак, согласно полученным нами данным, у более половины испытуемых как в группе биологических отцов (68% мужчин), так и в группе отчимов (64% мужчин) была обнаружена высокая степень совпадения образов «Я» и «хороший отец», что позволяет считать абсолютное большинство участников нашего исследования вполне удовлетворенными своей родительской ролью, в которой они чувствуют себя в целом достаточно комфортно. И только у 1/3 наших испытуемых был констатирован факт наличия слабой либо отсутствующей связи между образами «Я» и «хороший отец», свидетельствующий о расхождении содержательных характеристик этих образов в представлениях отчимов и биологических отцов. А это значит, что в каждой группе испытуемых есть мужчины, у которых образ того, каким должен быть «хороший отец», сформированный с помощью СМИ, общественных установок и, возможно, даже примеров из собственной семьи, диссонирует с внутренними представлениями самих отцов, либо по каким-то причинам отсутствует принятие своей отцовской роли, и имеет место восприятие себя как несоответствующих ей. При этом общее количество биологических отцов и отчимов как в первом случае, так и во втором практически одинаково, что подтверждается отсутствием достоверно значимых различий между испытуемыми (значение критерия Фишера находится в зоне незначимости: $\phi=0,297$).

Далее для определения особенностей взаимосвязи характера восприятия себя как отца и преобладающих стилей РО отчимов и биологических отцов обратимся к таблице 3, где зафиксированы показатели коэффициента ранговой корреляции Спирмена, отражающие степень сходства образов «Я» и «хороший отец» применительно к разным группам испытуемых.

Таблица 3 – Степень сходства образов «Я» и «хороший отец» в представлениях отчимов и биологических отцов с разными стилями родительского отношения

Испытуемые	Коэффициент Спирмена (R)
Биологические отцы с благоприятными для развития ребенка стилями РО	0,65
Биологические отцы с неблагоприятными для развития ребенка стилями РО	0,64
Отчимы с благоприятными для развития ребенка стилями РО	0,79
Отчимы с неблагоприятными для развития ребенка стилями РО	0,61

Примечание: чем ближе R к 1, тем выше степень сходства образов «Я» и «хороший отец».

Судя по полученным нами результатам, представленным в таблице 3, самая высокая степень сходства образов «Я» и «хороший отец» наблюдается у отчимов, демонстрирующих благоприятные для развития ребенка стили РО ($R=0,79$), в то время как самая низкая степень сходства данных образов зафиксирована также у отчимов, но уже тех, у кого преобладают неблагоприятные для развития ребенка стили РО ($R=0,61$). В свою очередь у биологических отцов с благоприятными и неблагоприятными стилями РО показатели соотношения образа Я и образа хорошего отца практически одинаковые ($R=0,65$ и $R=0,64$ соответственно). Все это позволяет говорить о большей зависимости практикуемых мужчинами стилей РО от особенностей их восприятия себя как родителя, прежде всего, у неродных отцов.

Однако для формулирования окончательного вывода относительно специфики взаимосвязи стилей РО отчимов и биологических отцов с характером их самовосприятия в родительской роли нам нужно было сопоставить преобладающие стили РО и степень сходства / различия образов «Я» и «хороший отец» в обеих группах испытуемых. Результаты этого сопоставления нашли свое отражение в таблице 4.

Таблица 4 – Особенности восприятия себя как родителя отчимов и биологических отцов с разными стилями родительского отношения

Преобладающие стили РО	Отчимы (кол. / %)		Биологические отцы (кол. / %)	
	Сходство образов	Расхождение образов	Сходство образов	Расхождение образов
Благоприятные для развития ребенка	9 / 36%	3 / 12%	13 / 52%	5 / 20%
Неблагоприятные для развития ребенка	7 / 28%	6 / 24%	4 / 16%	3 / 12%
коэффициент Юла (Q)	0,44		0,32	

Итак, согласно полученным нами данным, зафиксированным в таблице 4, у абсолютного большинства биологических отцов с преобладанием благоприятных для развития ребенка младшего школьного возраста стилями РО наблюдается высокая степень сходства содержательных характеристик образов «Я» и «хороший отец» (52% испытуемых), тогда как в случае преобладания неблагоприятных для развития младшего школьника стилей РО сходство этих образов у биологических отцов отмечается только у 16% испытуемых. Вместе с тем расхождение образов «Я» и «хороший отец» зафиксировано у 20% биологических отцов с благоприятными для развития ребенка стилями РО и у 12% биологических отцов с неблагоприятными для развития ребенка стилями РО.

Что же касается отчимов, то в этой группе испытуемых была зафиксирована несколько иная картина, а именно: из четырех возможных вариантов соотношения преобладающих стилей РО и характера восприятия себя как родителя в трех случаях мы обнаруживаем примерно равное число мужчин, демонстрирующих нам эти варианты соотношения. Так, практически одинаковое количество неродных отцов с неблагоприятными для развития ребенка стилями РО проявляют как содержательное сходство образов «Я» и «хороший отец», так и их расхождение (28% и 24% соответственно). Кроме того, почти у стольких же отчимов с благоприятными для развития ребенка стилями РО встречается

высокая степень сходства содержательных характеристик образов «Я» и «хороший отец» (36% испытуемых). И только всего у троих отчимов с благоприятными для развития ребенка стилями РО зафиксировано содержательное расхождение образов «Я» и «хороший отец» (12% испытуемых).

Подчеркнем, что для уточнения всех обнаруженных в нашем исследовании вариантов соотношения изучаемых аспектов личного опыта родительства отчимов и биологических отцов мы воспользовались коэффициентом корреляции качественных признаков Юла (Q), который показывает наличие положительной или отрицательной связи между сопоставляемыми признаками (в нашем случае – преобладающими стилями РО и степенью совпадения образов «Я» и «хороший отец»).

Как можно видеть из таблицы 4, в группе биологических отцов значение коэффициента Юла несколько меньше, чем в группе отчимов ($Q=0,32$ и $Q=0,44$ соответственно), т.е. связь выражена немного слабее, хотя в обоих случаях она является положительной. Иными словами, как у родных, так и у неродных отцов благоприятные для развития ребенка стили РО чаще всего имеют место при высокой степени совпадения образов «Я» и «хороший отец», а неблагоприятные для развития ребенка стили РО – при расхождении образов «Я» и «хороший отец», причем первая из этих тенденций чаще встречается у биологических отцов, а вторая – у отчимов.

Заключение

Итак, как убедили нас результаты проведенного сравнительного исследования, посвященного изучению особенностей восприятия себя как родителя мужчин-отчимов и мужчин – биологических отцов в связи с преобладающими стилями их РО, все сформулированные в нем гипотезы нашли свое подтверждение.

В частности, согласно полученным нами данным, среди наиболее распространенных стилей РО биологических отцов чаще всего встречается кооперация и на порядок реже эмоциональное принятие и авторитарная гиперсоциализация, в то время как у отчимов наряду с кооперацией нередко наблюдается также и склонность к доминированию авторитарной гиперсоциализации, а уже гораздо реже симбиоз и эмоциональное принятие. При этом в количественном соотношении у абсолютного большинства родных отцов (72%) однозначно преобладают благоприятные для развития ребенка младшего школьного возраста стили РО, тогда как более чем у половины отчимов (52%) имеют место в основном неблагоприятные для развития ребенка стили РО (различия на уровне статистически значимых: $\varphi=1,75$ при $p \leq 0,05$), что в свою очередь позволяет утверждать следующий факт: биологические отцы являются более эффективными родителями, нежели отчимы, – и тем самым служит подтверждением первой гипотезы о наличии качественных отличий в РО отчимов и биологических отцов.

Также нами было установлено, что у абсолютного большинства мужчин, как отчимов (64%), так и биологических отцов (68%), в системе восприятия себя как родителя имеет место четко выраженное сходство образов «Я» и «хороший отец», при этом наиболее ярко эта тенденция обнаруживает себя у родных отцов с благоприятными для развития ребенка стилями РО.

Что же касается специфики выявляемой нами связи стилей РО отчимов и биологических отцов с характером их самовосприятия в родительской роли, то, согласно

результатам нашего исследования, в обеих группах испытуемых эта связь оказывается положительной, т.е. благоприятные для развития ребенка стили РО мужчин чаще всего наблюдаются при высокой степени совпадения образов «Я» и «хороший отец», а неблагоприятные для развития ребенка стили РО – при расхождении этих образов, что позволяет говорить о подтверждении второй гипотезы.

Таким образом, как показали результаты выполненного нами исследования, не только среди биологических отцов, но и среди отчимов встречаются мужчины, которых можно назвать вполне эффективными родителями, хотя, по имеющимся у нас данным, таковых все же несколько больше среди тех, кто воспитывает своих родных детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева А.В. Вовлеченное отцовство в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // СОЦИС. 2012. №11. С. 95-104.
2. Аргентова Т.Е., Колотилина В.В. Особенности детско-родительских отношений в семьях повторного брака // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 4(56). Том 1. С. 102-106.
3. Архиреева Т.В. Родительство в гендерном аспекте // Гендерная психология. Практикум / под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. С. 121-147.
4. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. М.-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. 220 с.
5. Борисенко Ю.В. Особенности родительского отношения отчимов // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI Международной научной конференции. М.: МГПУ, 2015. С. 572-581.
6. Валитова И.Е., Клещева Е.А. Родительство отца и родительство отчима: сравнительная характеристика // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, психологические науки, филологические науки (литературоведение). 2013. Том 1. №1. С. 84-91.
7. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. №3. С. 29-41.
8. Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. 2008. №2(94). С. 37-43.
9. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
10. Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. 2004. №4. С. 31-39.
11. Семенова Л.Э. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей // Вестник Вятского государственного университета. 2014. №2. С. 108-111.
12. Семенова Л.Э., Кожина Е.В. Субъективный смысл материнства у женщин, имеющих и не имеющих детей [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2013. №1. URL: http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/fce/6-subektivnyy-smysl-materinstva-u-zhenshchin_-imeyushchikh-i-ne-imeyushchikh-detey.pdf
13. Семенова Л.Э., Кожина Е.В. Нетрадиционные подходы к исследованию родительства // Вестник Вятского государственного университета. 2014. №10. С. 188-194.

14. Харламова Т.М., Ушкова У.Э. Специфика взаимодействия биологических отцов и небιологических отцов с детьми дошкольного возраста // Фундаментальные исследования. 2012. №11 (часть 5). С. 1159-1163.
15. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. 2012. №2. С. 43-53.
16. Doherty W.J., Boss P.G., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. Family theories and methods: A contextual approach. New York: Plenum Press, 1993. 226 p.
17. Goldberg W., Edwin T. Tan Kara L. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930-2006 // Fathering. 2009. Vol. 7. No.2. P. 159-179.
18. Lamb M., Tamis-LeMonda C. The role of the father: an introduction // Lamb M. (ed.). The role of the father in child development. New Jersey: Wiley, 2004. P. 1-32.
19. LaRosa R. Fatherhood and social change // Kimmel M.S., Messner M.A. (ed.). Men's Lives. New York: Macmillan, 1992. P. 532-544.
20. Pleck J.H. Paternal involvement revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes // Lamb M.E. (ed.). The role of the father in child development. New York: Wiley, 2010. P. 58-93.
21. Wallerstein J., Lewis J.M. Disparate parenting and step-parenting with siblings in the post-divorce family: report from a 10-year longitudinal study // Journal of Family Studies. 2007. Vol. 13. No.2. P. 224-237.

REFERENCES

1. Avdeeva A.V. Involved paternity in modern Russia: strategies for participation in childcare. *SOCIS*, 2012, no.11, pp. 95-104 (in Russian).
2. Argentova T.E., Kolotilina V.V. Features of child-parent relations in families of remarriage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no.4 (56), vol. 1, pp. 102-106 (in Russian).
3. Arhireeva T.V. Parenthood in the gender aspect. *Gendernaja psihologija. Praktikum*. St. Petersburg, Piter Publ., 2009, pp. 121-147 (in Russian).
4. Borisenko Ju.V. Psychology of paternity. Moscow- Obninsk, «IG-SOCIN» Publ., 2007. 220 p. (In Russian)
5. Borisenko Ju.V. Peculiarities of parental relationship of stepfathers *Psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i: sbornik tezisov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Psychological problems of the modern family: a collection of theses of the VI International Scientific Conference]. Moscow, MSPU Publ., 2015, pp. 572-581 (in Russian).
6. Valitova I.E., Kleshheva E.A. Parenthood of the father and parenthood of the stepfather: the comparative characteristic. *Vestnik Baranovichskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogicheskie nauki, psihologicheskie nauki, filologicheskie nauki (literaturovedenie)*. [The bulletin of the Baranovichi state university. Series: Pedagogical sciences, psychological sciences, philological sciences (literary criticism)], 2013, vol. 1, no.1, pp. 84-91 (in Russian).
7. Klecina I.S. Paternity in Analytical Approaches to the Study of Masculinity. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, 2009, no.3, pp. 29-41 (in Russian).
8. Kon I.S. Men's role and gender order. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 2008, no. 2(94), pp. 37-43 (in Russian).

9. Kon I.S. A man in a changing world. Moscow, Vremya Publ., 2009. 496 p. (In Russian)
10. Porockaja E.L., Spiridonov V.F. Identification of the views of parents on the development of the preschooler. *Voprosy psihologii*, 2004, no.4, pp. 31-39 (in Russian).
11. Semenova L.Je. Specificity of the parental relation and subjective perception of paternity in the context of the real experience of male mono-parents. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no.2, pp. 108-111 (in Russian).
12. Semenova L.Je., Kozhina E.V. The subjective meaning of motherhood in women with and without children. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2013, no.1. Available at: http://vestnik.mininuniver.ru/upload/iblock/fce/6-subektivnyy-smysl-materinstva-u-zhenshchin_-imeyushchikh-i-ne-imeyushchikh-detey.pdf (in Russian).
13. Semenova L.Je., Kozhina E.V. Nontraditional approaches to the study of parenthood. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no.10, pp. 188-194 (in Russian).
14. Harlamova T.M., Ushkova U.Je. Specificity of interaction between biological fathers and nonbiological fathers with preschool children. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2012, no.11 (part 5), pp. 1159-1163 (in Russian).
15. Chikalova E.A. Studies of paternity and masculinity: points of intersection. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, 2012, no.2, pp. 43-53 (in Russian).
16. Doherty W.J., Boss P.G., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K. Family theories and methods: A contextual approach. New York: Plenum Press, 1993. 226 p.
17. Goldberg W., Edwin T. Tan Kara L. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930-2006 // *Fathering*. 2009. Vol. 7. No.2. P. 159-179.
18. Lamb M., Tamis-LeMonda C. The role of the father: an introduction // Lamb M. (ed.). *The role of the father in child development*. New Jersey: Wiley, 2004. P. 1-32.
19. LaRosa R. Fatherhood and social change // Kimmel M.S., Messner M.A. (ed.). *Men's Lives*. New York: Macmillan, 1992. P. 532-544.
20. Pleck J.H. Paternal involvement revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes // Lamb M.E. (ed.). *The role of the father in child development*. New York: Wiley, 2010. P. 58-93.
21. Wallerstein J., Lewis J.M. Disparate parenting and step-parenting with siblings in the post-divorce family: report from a 10-year longitudinal study // *Journal of Family Studies*. 2007. Vol. 13. No.2. P. 224-237.

© Семенова Л.Э., Росина Н.Л., Логинова Н.В., 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенова Л.Э. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры классической и практической психологии, Нижегородского государственного педагогического университета им. К.Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: verunchka08@list.ru

Росина Н.Л. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и специальной психологии Вятского государственного университета, г. Киров, Российская Федерация, e-mail: natalirosina@mail.ru

Логинова Н.В. – магистр психологии, выпускница Нижегородского государственного педагогического университета им. К.Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: ashatan1006@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Semenova L.E. – doctor (Psych.) Assistant Professor, Professor of Department of Classical and Practical Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: verunchka08@list.ru

Rosina N.L. – doctor (Psych.) Assistant Professor, Professor of Department of General and Special Psychology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, e-mail: natalirosina@mail.ru

Loginova N.V. – magister of psychology, a graduate of Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: ashatan1006@mail.ru